

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/biloep>

Сравнительный анализ средств лексической когезии устных текстов, созданных подростками с ВПС после оперативного вмешательства и их условно здоровыми сверстниками

Каменева Вероника Александровна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>

russia_science@mail.ru

Румянцева Александра Александровна

Научно-исследовательский институт комплексных проблем

сердечно-сосудистых заболеваний, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-1352-2591>

Рабкина Надежда Владимировна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-6623-6679>

Аннотация: Когнитивные особенности развития и речевой деятельности детей, перенесших оперативное вмешательство по поводу ВПС, малоизучены как с точки зрения психологии, так и с точки зрения лингвистики. Описаны, классифицированы и сопоставлены средства лексической связности устных текстов, созданных подростками 13–15 лет с ВПС после оперативного вмешательства (фокус-группа, 28 респондентов) и их условно здоровыми сверстниками (группа контроля, 28 респондентов). Цель – выявить отличия в средствах лексической когезии данных текстов. Для сбора материала использована диагностическая методика Т. А. Фотековой и Т. В. Ахутиной: респонденты составляли рассказ о родном городе. Осложняющим фактором анализа послужило то, что речь респондентов фокус-группы не являлась собственно монологическим высказыванием: в среднем на опрос одного подростка приходилось 8,5 побудительно-поощрительных реплик интервьюера (3,5 в группе контроля), в связи с чем было принято решение не учитывать случаи лексической когезии между вопросами интервьюера и ответами респондента. Результаты показали дисбаланс лексического повтора: 64 случая в фокус-группе и 100 случаев в группе сравнения; 12 случаев синонимического повтора против 7; 11 случаев антонимического повтора против 6 соответственно. Гиперо-гипонимический повтор был представлен слабо: всего 3 случая в фокус-группе и 6 – в контрольной. Сделан вывод, что, хотя лексический повтор и выступал основным средством когезии, подростки с ВПС прибегали к этому способу значительно реже, чем их условно-здоровые сверстники.

Ключевые слова: когнитивные исследования языка и речи, связная речь, средства связности речи, когнитивно-речевые особенности, когезия

Цитирование: Каменева В. А., Рабкина Н. В., Румянцева А. А. Сравнительный анализ средств лексической когезии устных текстов, созданных подростками с ВПС после оперативного вмешательства и их условно здоровыми сверстниками. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 1. С. 33–40. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-1-33-40>

Поступила в редакцию 20.02.2024. Принята после рецензирования 12.03.2024. Принята в печать 12.03.2024.

full article

Means of Lexical Cohesion in Oral Speech: Teenagers Operated for Congenital Heart Disease vs. Apparently Healthy Peers

Veronika A. Kameneva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>

russia_science@mail.ru

Alexandra A. Rumyantseva

Research Institute of Complex Problems of Cardiovascular Diseases,

Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-1352-2591>

Nadezhda V. Rabkina

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-6623-6679>

Abstract: Cognitive development and speech activity of children operated for congenital heart disease (CHD) remain understudied both from the point of view of psychology and linguistics. The aim was to identify differences in the means

of lexical cohesion these groups of teenagers use to create oral texts. This article describes, classifies, and compares the means of lexical coherence in oral texts created by teenagers (13–15 y.o.) with congenital heart disease (focus group, 28 respondents) and their apparently healthy peers (control group, 28 respondents). The material was collected using the diagnostic method introduced by T. A. Fotekova and T. V. Akhutina: the respondents were asked to talk about their hometown. The statements were analyzed for means of lexical cohesion. The analysis was complicated by the fact that most focus group respondents actually failed to produce a monologue: on average, one response involved 8.5 motivating and encouraging remarks from the interviewer (3.5 in the control group). As a result, cases of lexical cohesion between the interviewer's questions and the respondent's answers were not taken into account. The results showed an imbalance of lexical repetition: 64 cases in the focus group vs. 100 cases in the comparison group, 12 cases of synonymous repetition vs. 7, and 11 cases of antonymic repetition vs. 6, respectively. Hyperhyponymous repetition was poorly represented: only 3 cases in the focus group vs. 6 in the control group. Although lexical repetition was the main means of cohesion, the teenagers with congenital disorders resorted to this method much less often than their apparently healthy peers.

Keywords: cognitive studies of language and speech, speech coherence, means of speech cohesion, cognitive speech features, cohesion

Citation: Kameneva V. A., Rabkina N. V., Rummyantseva A. A. Means of Lexical Cohesion in Oral Speech: Teenagers Operated for Congenital Heart Disease vs. Apparently Healthy Peers. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(1): 33–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-1-33-40>

Received 20 Feb 2024. Accepted after review 12 Mar 2024. Accepted for publication 12 Mar 2024.

Введение

Категория связности текста до сих пор входит в число актуальных объектов научного исследования. На протяжении длительного времени в центр исследовательского внимания входили определенные типы связности тестов различных жанров и средств связности, ставшие базой для построения общей теории связности текста (см. работы М. Халлидей, Р. Хасан, В. Дресслера, Э. Сэнфорда, И. А. Фигуровского, И. Р. Гальперина, А. А. Бернацкой, О. И. Москальской, М. А. Кобрина, В. А. Кухаренко и др.).

Исследователи, изучавшие связность речи в онтогенезе, выявили, что связная речь может рассматриваться как индикатор вербального, интеллектуального, эмоционального развития человека [1]. По их мнению, связная речь свидетельствует о том, что человек полностью овладел языком и соблюдает все языковые нормы. Как отмечается, «связная речь – высшая форма речи и мыслительной деятельности человека, которая показывает уровень речевого и умственного развития. Она заключается в умении выражать свои мысли с помощью правильного подбора языковых средств в том или ином высказывании в соответствии с целью и содержанием» [1]. Связность речи проявляется и как когнитивный феномен в сознании, который обуславливает создание и осмысление сказанного или написанного [2]. Как отмечают М. А. Gernsbacher и Т. Givón, связность речи – это именно ментальный феномен, а не свойство устного или письменного текста или социальной ситуации [3]. Подтверждено, что связность речи формируется при повторении ребенком своих же высказываний, а также при взаимодействии

с окружающими людьми. Считается, что социальная среда определяет качество и темп формирования связной речи. Кроме того, указывается, что связность речи возникает не изолированно от языка, а зависит от использования ребенком в ежедневной речи различных лингвистических средств когезии для связывания предложений [4; 5].

Бессвязной речью считается поток не связанных друг с другом идей как тематически, так и на лексико-грамматическом уровне, что практически всегда является основным симптомом ряда психиатрических и неврологических заболеваний [6]. Иными словами, речь воспринимается бессвязной, когда поток идей разрозненный, когда слова не связаны друг с другом или если есть отступления от темы. Такое бессвязное рассуждение, часто называемое формальным расстройством мышления, встречается при различных психиатрических и неврологических заболеваниях [7].

При врожденных пороках сердца (ВПС) может наблюдаться низкий уровень кислорода и / или аномальный приток крови к мозгу. Операции на сердце, катетеризация и анестезия, необходимые при лечении порока сердца, влияют на деятельность мозга. Дети, рожденные с генетическими синдромами, имеют значительно более высокий риск когнитивных расстройств. Взаимодействия между возбудителями и клетками мозга также важны для развития мозга [8].

Американская академия педиатрии уточняет факторы, повышающие риск индивидуального развития ребенка с ВПС. Дети с цианотическими нарушениями сердца, перенесшие операцию на сердце; дети,

перенесшие операцию на сердце в новорожденном или грудном возрасте; дети с ВПС и сопутствующими заболеваниями, такими как недоношенность и длительная госпитализация, предъявлялись более высокому риску [9]. У детей с ВПС могут появиться когнитивные нарушения [10]. К ним относятся меньшая продолжительность концентрации внимания, импульсивность и проблемы с привлечением внимания. Также может быть нарушена исполнительная функция, т. е. навыки, которые позволяют нам следить за временем, строить планы, применять ранее полученную информацию для решения других проблем, анализировать идеи и обращаться за помощью, когда она нам нужна [9].

Обзор научной литературы показал отсутствие специализированных лингвистических исследований о речи детей с сердечно-сосудистыми заболеваниями в общем и с ВПС в частности. Отметим лакуны в лингвистических исследованиях по связности речи у детей с ВПС до и после оперативного вмешательства. В основном современные исследования, а это, как правило, работы в сфере медицины и логопедии, направлены только на фиксирование лингвокогнитивных расстройств у таких детей без проведения лингвистического анализа. По нашему мнению, анализ речи детей с ВПС до и после проведения оперативного вмешательства имеет значение для понимания того, как само заболевание и последующее оперативное вмешательство могут повлиять на лингвокогнитивное развитие детей. В представленном исследовании объектом выступают особенности связной речи у подростков с ВПС после оперативного вмешательства и у их условно здоровых сверстников. Предмет – средства лексической когезии устных текстов, создаваемых подростками с ВПС после оперативного вмешательства и их условно здоровыми сверстниками. Цель – выявить отличия в средствах лексической когезии устных текстов, создаваемых указанными группами подростков.

Недостаточная изученность данного научного объекта и его важность для выявления лингвокогнитивных аспектов определяют актуальность выбранной темы исследования.

Трактовка понятия связной речи варьируется в зависимости от того, какой аспект ставится в центр исследовательского поля. Так, ученые, рассматривавшие нарушения связной речи пациентов с кардио-сосудистыми заболеваниями, например, после микроинсульта, обширного инсульта, инсульта правого полушария, инсульта левого полушария, разграничивают когезию (лексико-грамматическую) связность и когеренцию (тематическую связность) [11–16]. По мнению R. Aylaha и коллег, изучавших взрослых пациентов с постинсультной афазией [13; 16], связная речь – серия хорошо связанных друг с другом высказываний и с конкретной темой разговора. Фактически связная речь – смысловое и структурное

целое. Под общей тематической связностью речи (когеренцией) понимают связность и согласованность каждого высказывания с текущей темой разговора. Чтобы эффективно вести беседу, говорящие должны создавать высказывания, которые информативны и имеют отношение к обсуждаемой теме. Речь, отвечающая этим требованиям, считается связной [16]. Под когезией понимают лексико-грамматическую связность слов в высказываниях [11; 17]. При этом отметим, что большинство ученых признают, что связность текста может трактоваться шире и включать логическую, грамматическую, лексическую, стилистическую и образную связность, отсылая нас к понятиям когезии, когерентности, интеграции, континуума, цельности, тематичности, последовательности, целостности, завершенности, коммуникативности, информативности, текстовости, эмотивности, интенциональности, акцептуальности, ситуативности и т. п. [18].

Методы и материалы

В исследовании сбор данных для выявления нарушений связной речи осуществлялся с применением задания по диагностической методике [19] на составление рассказа о городе.

Описание, повествование и рассуждение рассматриваются в качестве основных типов связной речи. Установлено, что уже в старшем дошкольном возрасте дети в естественном общении смешивают эти типы в следующих форматах: «описание + повествование, повествование + описание, рассуждение + описание» [20, с. 22].

Методика анализа средств лексической связности устных текстов включала такие процедуры, как: 1) запись рассказов о городе 28 подростков 13–15 лет с ВПС после оперативного вмешательства в отделении кардиохирургии № 2 Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний г. Кемерово; 2) запись рассказов о городе 28 условно здоровых подростков 13–15 лет; 3) выявление и классификация средств лексической связности устных текстов, создаваемых подростками с ВПС после оперативного вмешательства; 4) выявление и классификация средств лексической связности устных текстов, создаваемых условно здоровыми подростками 13–15 лет; 5) сопоставление результатов обеих групп.

Все респонденты являются носителями русского языка, для всех участников эксперимента русский язык – родной. Все они проживают в городах или поселках городского типа и относятся к возрастной группе 13–15 лет. 28 респондентов первой группы были прооперированы в связи с необходимостью коррекции ВПС. В группу сравнения вошли 28 сверстников, которые не имеют указанного заболевания в анамнезе и не имели оперативных вмешательств в связи с ним.

Критериями включения в первую группу послужил возраст пациентов – 13–15 лет, септальный врожденный порок сердца (дефект межпредсердной или межжелудочковой перегородки), который требовал закрытия в условиях искусственного кровообращения. Критериями исключения служили показания к рентгенэндоваскулярной окклюзии септальных дефектов и наличие тяжелой коморбидной патологии.

Результаты

В данной работе высказывания респондентов анализировались на предмет средств лексической связности, или когезии. «Лексическая (лексико-семантическая) когезия осуществляется с помощью лексического повтора или повтора семантического, строящего на основе синонимии, антонимии, гиперо-гипонимии или ассоциативном ряде» [21, с. 97].

В анализируемом дискурсе были выявлены следующие способы лексической когезии. Во-первых, прономинальная референция – разновидность смыслового повтора, при котором местоимение выполняет свою дейктическую функцию, указывая на антецедент и дублируя его в потоке речи [22]. К этому виду мы отнесли замену антецедента на личное местоимение, указательное, определительное и т. д.

Близко к прономинальной референции находилась адвербиальная, когда существительное в функции обстоятельства места замещалось наречием места. Как промежуточный случай пришлось выделить замещение существительного в функции обстоятельства места сочетанием предлога с личным местоимением первого лица множественного числа у нас. Так как респонденты из фокус-группы имеют ограниченный опыт путешествий, то задание «Расскажи, пожалуйста, о Москве», предполагаемое в рамках теста на экспрессивную речь по методике Т. А. Фотековой и Т. В. Ахутиной, оказалось нерелевантным, в связи с чем его было решено заменить на инструкцию «Расскажи, пожалуйста, о своем родном городе» [19]. В результате обстоятельство места, выраженное словосочетанием у нас, оказалось весьма частотным средством достижения лексической связности.

К другому виду лексической когезии отнесено лексическое повторение, в рамках которого собственно дублирование лексемы можно противопоставить синонимическому, гиперо-гипонимическому [23, с. 132] и антонимическому повторам.

Количество слов в фокус-группе оказалось примерно на 13 % меньше, чем в группе сравнения: если в первой общий объем всех реакций составил около 1650 слов, то во второй – 1900 слов. Следовательно, средний объем одной реакции в фокус-группе составил 59 слов, а во второй – 68.

Если в общем охарактеризовать дискурс, то высказывания подростков из фокус-группы нельзя в полной мере назвать монологическими. Интервьюеру приходилось многократно стимулировать порождение высказывания или объяснять вопрос. Так, на 28 опросов в фокус-группе зафиксировано 238 поощрительно-побудительных реплик и наводящих вопросов интервьюера, т. е. в среднем 8,5 реплик на опрос одного подростка. В группе сравнения их было зафиксировано 95, а значит в среднем 3,5 реплики интервьюера на одного респондента. Тем не менее в данном исследовании было решено не учитывать случаи лексической когезии между вопросами интервьюера и ответами респондента.

В тяжелых случаях речевых нарушений, возникших ввиду влияния как самого порока сердца, так и хирургического вмешательства, есть вероятность, что ребенок также будет плохо воспринимать и усваивать чужую звучащую речь. Вероятно, страдает не только активный словарь, т. е. осмысленно употребляемые в собственной речи слова, но и пассивный, т. е. способность воспринимать на слух слова, произнесенные собеседником. В настоящем исследовании в большинстве случаев опрашиваемый начинал рассказ по заданной теме только после подсказок врача, что свидетельствует в пользу наличия трудностей самостоятельной реализации собственного замысла в развернутое и законченное повествование. Пример:

В: Расскажи, пожалуйста, про свой город. Первое, что придет в голову. Как будто я к тебе в гости приехала, а ты мне рассказываешь про него.

П: ...

В: Что захочешь, что знаешь.

П: Про достопримечательности?

В: Давай про достопримечательности. Что захочешь. Что у вас там есть? Где ты, может быть, гулять любишь?

П: ...

В: Что есть рядом с твоим домом, где ты живешь?

П: Я люблю гулять на Тыргане.

В: Ага.

П: Там я катаюсь на коньках, хожу по магазинам.

В: Ага. Где ты еще гулять любишь?

П: Еще я люблю гулять у себя... у себя по улице.

В: Так.

П: У меня там много друзей.

В: В кино ходите? Есть кино у вас?

П: Именно на Кирзаводе нету, а на Тыргане есть.

Между тем нельзя утверждать, что все реакции в фокус-группе были однотипными. Некоторые подростки – пациенты Кардиоцентра – продемонстрировали хорошие речевые навыки: Начали строиться памятники, начали строиться хорошие красивые дома. Хоть на первый взгляд он кажется серым таким

городом, но на самом деле здесь хороший народ, здесь доброжелательные люди. Также появились хорошие торговые центры, где можно вместе погулять с друзьями. Также есть батутный центр. Также есть Лазертаки и все, что связано с играми.

Даже поверхностное ознакомление с ответами респондентов фокус-группы может выявить довольно скудный словарный запас, неспособность структурировать речь в целое распространенное предложение, фрагментарность, однообразие грамматических конструкций и т. д.

Однако в том, что касается словарного запаса, подсчет уникальных слов на нескольких онлайн-калькуляторах дал противоположный результат. Для фокус-группы среднее количество уникальных словоформ по результатам обработки на онлайн-калькуляторе составило 800 единиц. К словоформам, которые повторялись более 10 раз, относились: *в* (47), *есть* (46), *там* (44), *и* (34), *у* (33), *нас* (28), *на* (27), *я* (21), *да* (19), *не* (16), *вот* (15), *много* (15), *ну* (15), *что* (14), *это* (14), *очень* (13), *а* (11), *где* (11), *если* (11), *еще* (11), *можно* (11), *по* (11), *с* (11), *город* (10), *но* (10), *парк* (10), *также* (10).

Что интересно, для группы сравнения среднее количество уникальных словоформ оказалось меньше, чем в фокус-группе, и составило 740. Среди слов, употребленных респондентами более 10 раз, были выделены: *в* (69), *очень* (54), *там* (48), *и* (46), *город / городе* (39), *есть* (36), *много* (35), *на* (34), *Кемерово* (32), *я* (29), *нас* (24), *у* (23), *это* (22), *парк* (20), *что* (20), *можно* (18), *также* (17), *все* (15), *с* (14), *нравится* (13), *ну* (13), *потому* (13), *где* (12), *красиво* (12), *мы* (12), *гулять* (10), *родилась* (10).

Закономерным образом в обеих группах совпали многие предлоги, местоимение первого лица единственного числа, наречие с пространственным значением *там*, союзное слово *где*, падежная форма местоимения первого лица множественного числа – в основном за счет употребления в составе вышеупомянутого словосочетания у нас. Тот факт, что в обеих группах встречаются лексемы *можно* и *есть*, связан с распространенностью элементарных безличных конструкций, используемых для описания пространства (*там можно кататься...*, *у нас есть парк...* и т. д.).

К уникальным частотным лексемам в фокус-группе относятся: *да*, *не*, *вот*, *по*, *если*, *а*, *еще*, *но*. Частота употреблений *да* и *не*, вероятно, связана с тем, что предусматриваемый методикой Т. А. Фотековой и Т. В. Ахутиной монолог в этом случае принял диалоговый характер (как было упомянуто выше, вмешательство интервьюера составило 8,5 реплик на одного опрашиваемого). Повторяющееся *а* в подавляющем большинстве случаев является не противительным союзом, а фиксацией речевых тайм-филлеров при транскрипции.

В группе сравнения к уникальным лексемам с частотой употребления до десяти включительно относятся: *Кемерово*, *все*, *потому*, *нравится*, *мы*, *красиво*, *гулять*, *родилась*. Частотность появления лексем *Кемерово* и *родилась* объясняется тем, что условно здоровые подростки из контрольной группы – кемеровчане, в то время как юные пациенты Кардиоцентра попадают в данное медицинское учреждение со всей Сибири. Обращает на себя внимание личная форма глагола *нравится* (стоит заметить, что сразу после него в списке шла личная форма глагола *люблю* – 9 употреблений), а также краткое прилагательное *красиво*. Показательно, что в фокус-группе, в отличие от группы сравнения, очень слабо прослеживается вербальное выражение личного отношения или чувств. Относительная частота использования лексемы *потому* свидетельствует о развитой способности подростков из группы сравнения к отслеживанию и выражению причинно-следственных связей. Местоимение множественного числа *мы* употребляется в речи подростков из группы условно здоровых респондентов несколько чаще, чем в ответах фокус-группы: в этих местах речь в основном шла о прогулках с друзьями – времяпрепровождении, которым юные пациенты наслаждаются не так часто, как здоровые подростки.

У подростков из группы контроля чувствовалась некая гипертекстуальность речи: в ней присутствовали явные вкрапления чужого дискурса – публицистического (*Активно поддерживаются проекты для того, чтобы развивать туризм, а также учебу. Также у нас крайне развиты заводы и фабрики*) или педагогического (*История нашего города началась с того, что казачий сын Михайло Волков, рудознатец, открыл каменный уголь на Красной горке, на левом берегу реки Томи. Затем, в 1934 году, наш город был переименован в... из Кедровска в Кемерово. После чего началась первая массовая застройка, которая продолжается по сей день*). Очевидно, что этим ребятам в том или ином виде преподавалась история родного края. Они погружены в медиапространство и в речи пытаются по мере своих возможностей имитировать соответствующие стили на уровне клише. В ответах подростков из фокус-группы эта способность к имитации выражена не так ярко (*Город Кемерово сначала был поселком, но с какого-то там года он начал постепенно превращаться в город; Город очень красивый, и сейчас он только начинает расцветать*). Это может быть связано опять же с тем, что в фокус-группе оказалось мало кемеровчан. С одной стороны, в небольших городах и поселках городского типа, по всей вероятности, меньше внимания уделяется воспитанию локального патриотизма и преподаванию истории родного края. С другой стороны, подростки с таким серьезным заболеванием закономерно уделяют меньше внимания второстепенным школьным дисциплинам.

Впрочем, подобных выше инкорпораций чужого дискурса не было замечено в рассказах о Новокузнецке или Омске.

Что касается чужого дискурса в речи детей из фокус-группы, создается впечатление, что они транслируют чужой дискурс взрослых разговоров. По классификации В. П. Белянина, это тексты с темной психологической доминантой [24]. Рассказывая о родном городе, подростки говорят о его увядании (*Прокопьевск, он маленький (...), но начинает как бы исчезать из-за того, то, что молодежь считает то, что там неприятно жить*), катастрофах (*Пожары там часто из-за того, то что (...) у нас появились люди, которые специально покупают детям там петарды (...) У нас (...) сгорел кинотеатр; Можно упомянуть трагедию, связанную с Зимней Вишней. Сейчас на этом месте построили замечательный Парк Ангелов; У нас, получается, строят бомбоубежище*), алкоголизме (*Два парка, и то такие маленькие, люди и уже там матерятся и пьют (...) То есть там ничему хорошему не научиться*), плохой экологии (*Просто вокруг нашего поселка обрыв. Там постоянно делают, блин, уголь, выкапывают, взрывают и там невозможно жить; У нас есть завод, который производит цемент. Вот из-за него портится вся экология в городе. Когда проезжаешь мимо, все деревья в цементе. Там дышать невозможно; И воздух стоит такой... очень пыльный. Там столько пыли, что невозможно находиться и дышать*).

Создается впечатление, что немногословность юных пациентов не всегда связана со скудным словарным запасом, вызванной болезнью заторможенностью и т. д. Вполне вероятно, что некоторые из них со свойственным юности максимализмом искренне не видят в своей малой родине ничего, что было бы достойно рассказа: *Там ничего такого нет; Больше рассказать в принципе нечего; Ну, что я могу знать; Даже не знаю, как рассказать*. Может быть, что нежелание коммуницировать и неспособность подобрать слова являются следствием общего депрессивного состояния, а не связанными с болезнью и операцией нарушениями речевой деятельности.

Из рассказов подростков – пациентов Кардиоцентра – складывается образ города, конкретизированный топонимами разного уровня: это магазины и торговые центры (*СитиМол, Мария-Ра, Пятерочка, Чайка, Зимняя Вишня*), банки (*Сбербанк*), корпорации (*Газпром*), вернакулярные наименования районов (*на Кирзаводе, Кировский, Красный Камень, на Тыргане, на Главпочтамте, на администрации*), развлекательные центры (*Аквалло, Лазертэк*), спортивные учреждения (*Ледовый дворец*), водоемы (*Томь, Карпятник*), конкретные улицы (*Гайдара, Первая линейная, Пионерская*), парки (*Чудес, Ангелов, Аллюминчиков, Шахтеров, Победы, Центральный, Аллея Героев*), учреждения культуры (*театр Аллюминчиков, Дворец культуры Аллюминчиков,*

кинотеатр Орбита), площади (*Московская, Советская*), мемориалы и памятники (*мемориал статуи, где медсестра держит солдата, памятник первому поезду, статуя погибшим солдатам, вечный огонь, огромная арка в виде сердца*), персоналии, связанные с жизнью города (*Цивилев*), а также больницы (*детская больница, кардиология*).

Топонимический образ города, восстановленный по ответам подростков из группы сравнения, более единообразен, ведь все они – кемеровчане: парки (*Ангелов, Чудес, Антошка, Гагарина, Победы, Комсомольский, Веры Волошиной, Победы, (имени Георгия Константиновича) Жукова, Матери*), площади (*Московская, Советская*), улицы (*Бульвар Строителей*), вернакулярные названия районов (*Бульвар, Красная горка*), торговые центры и магазины (*Ярче, Променад, ЛетоСити*), водоемы (*Красное озеро, Томь*), учреждения культуры (*Драмтеатр, Филармония, музей палеонтологии*) и спорта (*стадион Химик*), памятники (*медведи белые, статуя матери, вечный огонь*), персоналии, связанные с жизнью и историей города (*Михайло Волков*).

По способам создания лексической когезии количественный анализ дал следующие результаты. Случаев прономинальной референции, выраженной при помощи замены существительного на соответствующее личное местоимение, было обнаружено 17 в фокус-группе и 25 в группе сравнения. Указательные местоимения возникали в этой функции значительно реже – по 4 случая в каждой группе.

Использование наречий с пространственным значением оказалось преобладающим средством когезии в обеих группах с небольшим перевесом в сторону контрольной группы (56 против 52). В фокус-группе самым частотным наречием закономерно оказалось *там*, т. к. подростки остро осознавали себя вне хронотопа родного города. При этом можно предположить, что они все же считают себя частью местного комьюнити, ведь промежуточный случай с местоименным словосочетанием *у нас* в качестве заместителя существительного с семантикой места также оказался довольно частотным: 18 случаев употребления в фокус-группе и 22 – в группе сравнения. Употребления других местоимений (*свой, всё, другой*) и порядковых числительных (*второй*) были однократными.

В отношении лексического повтора обнаружился существенный дисбаланс: 64 случая в фокус-группе и 100 случаев в группе сравнения. Однако этот дисбаланс произошел в основном за счет собственно лексических повторов, т. е. повторения лексической единицы: в группе сравнения было зафиксировано рекордное количество употреблений – 81, в то время как в фокус-группе их было в два раза меньше (38). Случаев синонимического и антонимического повтора было на порядок меньше, и здесь количественный перевес наблюдался в сторону фокус-группы:

12 случаев синонимического повтора в фокус-группе против 7 – в группе сравнения; 11 случаев антонимического повтора в фокус-группе против 6 – в группе сравнения. Гиперо-гипонимический повтор был представлен слабо: всего 3 случая в фокус-группе и 6 – в контрольной.

Заключение

Сравнительный анализ лексической связности в речи подростков, страдающих септальным врожденным пороком сердца, и условно-здоровых подростков из группы сравнения дал следующие результаты. Так как задание подразумевало рассказ о родном городе, то самым распространенным способом лексической когезии в фокус-группе (52 случая) стало употребление слов с пространственным значением (*там, тут, здесь, оттуда* и т.д.). На втором месте в данной группе шел собственно лексический повтор, т. е. дублирование лексических единиц (38). В группе сравнения этот вид повтора встречался в два раза чаще (81), а употребление наречий с пространственным значением оказалось на втором месте (56). Кроме того, подростки из группы сравнения чаще прибегали к замене существительных на личные местоимения (25 случаев против 17), а вот словосочетание у нас как альтернатива существительному с пространственным значением появлялось в обеих группах приблизительно одинаковое количество раз: 18 – в фокус-группе и 22 – в группе сравнения. Более сложные формы повтора встречались одинаково редко в обеих группах, однако подростки из фокус-группы несколько чаще прибегали к антонимическому варианту (11 против 6) и синонимическому (12 и 7). Количество уникальных словоформ в обеих группах

оказалось одинаковым даже с некоторым перевесом в пользу фокус-группы, при том что общее количество слов в ответах фокус-группы было на 13 % меньше. Среди словоформ, встречающихся в общем поле ответов десять раз и более, обращает на себя внимание тот факт, что в речи подростков из группы сравнения присутствовали лексемы со значением выражения личного отношения к объекту речи.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00002 «Проблема когнитивно-дискурсивной параметризации медицинского дискурса пациентов с ВПС (врожденным пороком сердца) в кардиохирургическом стационаре». <https://rscf.ru/project/23-28-00002>

Financing: The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00002: Cognitive-discursive parameterization of medical discourse of patients with congenital heart disease (CHD) in a cardiac surgery hospital. <https://rscf.ru/project/23-28-00002>

Литература / References

1. Иванова Т. А., Морозова С. В., Реука Я. Д. Онтогенез связной речи. *Современные проблемы науки и образования*. 2021. № 3. [Ivanova T. A., Morozova S. V., Reuka Y. D. Ontogeny of coherent speech. *Modern Problems of Science and Education*, 2021, (3). (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/spno.30818>
2. Givón T. Coherence in Text, Coherence in Mind. In: Gernsbacher M. A., Givón T. *Coherence in Spontaneous Text*. Philadelphia, PA; Amsterdam: John Benjamins, 1995, 59–115. <https://doi.org/10.1075/tsl.31.04giv>
3. Gernsbacher M. A., Givón T. *Coherence in spontaneous text*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1995, 267.
4. Chui K. Conversational coherence and gesture. *Discourse Studies*, 2009, 11(6): 661–680. <http://dx.doi.org/10.1177/1461445609347230>
5. Levy E. T. The roots of coherence in discourse. *Human Development*, 2003, 46(4): 169–188. <http://dx.doi.org/10.1159/000070367>
6. Elvevåg B., Foltz P.W., Weinberger D. R., Goldberg T. E. Quantifying incoherence in speech: An automated methodology and novel application to schizophrenia. *Schizophrenia research*, 2007, 93(1-3): 304–316. <http://dx.doi.org/10.1016/j.schres.2007.03.001>
7. DeLisi L. E. Speech disorder in schizophrenia: review of the literature and exploration of its relation to the uniquely human capacity for language. *Schizophrenia bulletin*, 2001, 27(3): 481–496. <https://doi.org/10.1093/oxford-journals.schbul.a006889>
8. Mueller A. S., McDonald D. M., Singh H. S., Ginns J. N. Heart failure in adult congenital heart disease: tetralogy of Fallot. *Heart Failure Reviews*, 2020, 25(4): 583–598. <https://doi.org/10.1007/s10741-019-09903-0>

9. Таирова С. Б., Мухторов А. А., Зиёдуллаева М. С. Нейрокогнитивные расстройства у детей с врождёнными пороками сердца (литературный обзор). *Science and Education*. 2023. Т. 4. № 2. С. 543–548. [Tairova S. B., Mukhtorov A. A., Ziyodullaeva M. S. Neurocognitive disorders in children with congenital heart defects (literature review). *Science and Education*, 2023, 4(2): 543–548. (In Russ.)]
10. Marino B. S., Lipkin P. H., Newburger J. W., Peacock G., Gerdes M., Gaynor J. W., Mussatto K. A., Uzark K., Goldberg C. S., Johnson W. H. Jr., Li J., Smith S. E., Bellinger D. C., Mahle W. T. Neurodevelopmental outcomes in children with congenital heart disease: Evaluation and management: A scientific statement from the American Heart Association. *Circulation*, 2012, 126(9): 1143–1172. <https://doi.org/10.1161/cir.0b013e318265ee8a>
11. Barker M. S., Young B., Robinson G. A. Cohesive and coherent connected speech deficits in mild stroke. *Brain and Language*, 2017, 168: 23–36. <https://doi.org/10.1016/j.bandl.2017.01.004>
12. Zhang M., Geng L., Yang Y., Ding H. Cohesion in the discourse of people with post-stroke aphasia. *Clinical Linguistics & Phonetics*, 2021, 35(1): 2–18. <https://doi.org/10.1080/02699206.2020.1734864>
13. Alyahya R. S. W., Halai A. D., Conroy P., Lambon Ralph M. A. Content word production during discourse in aphasia: Deficits in word quantity, not lexical-semantic complexity. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 2021, 33(12): 2494–2511. https://doi.org/10.1162/jocn_a_01772
14. Davis G. A., O'Neil-Pirozzi T. M., Coon M. Referential cohesion and logical coherence of narration after right hemisphere stroke. *Brain and Language*, 1997, 56(2): 183–210. <https://doi.org/10.1006/brln.1997.1741>
15. Hoffman P., Cogdell-Brooke L., Thompson H. E. Going off the rails: Impaired coherence in the speech of patients with semantic control deficits. *Neuropsychologia*, 2020, 146. <http://dx.doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2020.107516>
16. Alyahya R. S. W., Lambon Ralph M. A., Halai A., Hoffman P. The cognitive and neural underpinnings of discourse coherence in post-stroke aphasia. *Brain Communications*, 2022, 4(3). <https://doi.org/10.1093/braincomms/fcac147>
17. Olness G. S. Genre, verb, and coherence in picture-elicited discourse of adults with aphasia. *Aphasiology*, 2006, 20(2-4): 175–187. <http://dx.doi.org/10.1080/026870305000472710>
18. Гришучкова И. Б. Некоторые виды когезии в речевых текстах анималистического жанра. *Вестник Ставропольского государственного университета*. 2008. № 5. С. 68–74. [Grishuchkova I. B. Some types of cohesion in speech texts of animalistic genre. *Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, (5): 68–74. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jvnlap>
19. Фотекова Т. А., Ахутина Т. В. Диагностика речевых нарушений школьников с использованием нейропсихологических методов: пособие для логопедов и психологов. М.: АРКТИ, 2002. 136 с. [Fotekova T. A., Akhutina T. V. *Diagnosis of speech disorders in schoolchildren using neuropsychological methods: a manual for speech therapists and psychologists*. Moscow: ARKTI, 2002, 136. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qrvenb>
20. Смольникова Н. Г. Развитие связной речи детей старшего дошкольного возраста. *Педагогическое образование и наука*. 2011. № 12. С. 21–23. [Smolnikova N. G. Development of coherent speech in senior preschool children. *Pedagogical Education and Science*, 2011, (12): 21–23. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tsecpb>
21. Ван Ц., Шереметьева Е. С. Роль текстовой скрепы «Теперь о...» в организации структуры текста. *Litera*. 2021. № 4. С. 93–103. [Wang Q., Sheremetyeva E. S. The role of textual binding element "Now about..." in the text structure. *Litera*, 2021, (4): 93–103. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.4.35483>
22. Андросова Л. М. ИмPLICITные средства связности поверхностной структуры текста. *Проблемы развития юридических и социально-экономических наук в России*: конф. (Москва, 16–17 марта 2001 г.) М.: РНУ, 2001. С. 80–85. [Androsova L. M. Implicit means of coherence of the surface structure of the text. *Problems of development of legal and socio-economic sciences in Russia*: Proc. Conf. Moscow, 16–17 Mar 2001. Moscow: RNU, 2001, 80–85. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rvzfzb>
23. Гордеева М. Н. Особенности реализации категории связности в официально-деловом тексте. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2012. № 4-3. С. 128–134. [Gordeyeva M. N. Peculiarities of cohesion realization in official texts. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (4-3): 128–134. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pyiykn>
24. Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе. М.: Тривола, 2000. 248 с. [Belyanin V. P. *Fundamentals of psycholinguistic diagnostics: models of the world in literature*. Moscow: Trivola, 2000, 248. (In Russ.)]